

мужчины. Онъ оставляетъ ее съ новымъ нерасположеніемъ къ утопіямъ и филантропическимъ мечтамъ, полный вѣры, что для художника существуетъ только искусство. Сближеніе съ высокой женской душой не остается, однако, для него бесплоднымъ. Онъ сбрасываетъ свой аффектированный цинизмъ, не щеголяетъ больше равнодушіемъ и хладнокровіемъ. Ея стремленіе къ идеаламъ отражается у него въ республиканскомъ энтузіазмѣ Лорензачіо, въ глубокой душевной жизни Андреа дель-Сарто, можетъ быть даже, въ протестѣ противъ тьеровскихъ законовъ о печати. Она оставляетъ его, еще больше чѣмъ прежде преданная общимъ идеямъ. Въ «Орабѣ» она посвящаетъ свой талантъ сентъ-симонизму; она прославляетъ социализмъ въ «Compagnon du tour de France». Но соприкосновеніе съ великимъ художникомъ дѣлаетъ для нея доступнымъ мастерство формы; она научается любить изящество языка, научается искать красоты ради ея самой. Если про нее можно было сказать, что ея фразы нарисованы Леонардо и положены на музыку Мопартомъ (выраженіе Дюма-сына), то къ этому слѣдовало прибавить, что критика Мюссе образовала ея слухъ и водила ея руку. Послѣ разлуки они оба являются зрѣлыми художниками, онъ — поводомъ горячаго сердца, она — сивиллой пророческаго краснорѣчія. Въ образовавшуюся между ними пропасть она сбросила свою незрѣлость, свои тирады, свое безвкусіе, свое мужское платье, чтобы стать отнынѣ настоящей женщиной, чтобы быть всецѣло вѣрной природѣ. Онъ сбросилъ въ ту же пропасть свой донъ-жуанскій костюмъ, свою вызывающую дерзость, свою мальчишескую гордость, чтобы стать отнынѣ настоящимъ мужчиной, чтобы отдать себя всецѣло во власть духа». Если исключить нѣсколько рискованныхъ штриховъ, сколько правды, сколько искусства въ этой параллели! Въ другомъ мѣстѣ Брандесъ сравниваетъ лучшую женскую фигуру, созданную Мюссе (Эммелину, въ новеллѣ этого имени), съ «самыми благоуханными женскими образами Тургенева». Датскій критикъ присоединяется здѣсь къ тѣмъ западно-европейскимъ своимъ братьямъ, которые оцѣнили по достоинству нашего великаго писателя. Никто больше Тургенева не способствовалъ распространенію, за предѣлами Россіи, знакомства съ русской изящной литературой и пониманію крупныхъ ея произведеній.

Мы знаемъ уже, какъ высоко Брандесъ ставитъ Ж. Занда, какъ широкъ и правиленъ его взглядъ, сравнительно съ узкимъ доктринерствомъ ультра-реалистической критики. Въ глазахъ французскихъ натуралистовъ, крестьяне — это полу-звѣри, хитрые, чувственные, безсердечные; такими являются они въ «Paysans»